

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неизвестное прошлое

IX ВСЕМИРНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС (Париж, 1937 г.) В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

С.Н. КОРСАКОВ

Мы рассказали на страницах «Философских наук» о перипетиях советского участия-неучастия в VII (Оксфорд, 1930 г.) и VIII (Прага, 1934 г.) Всемирных философских конгрессах. С каждым Конгрессом усиливалась самоизоляция отечественной философии. Можно сказать даже, что формировался своеобразный комплекс неполноценности. Невозможность пойти на честное соревнование идей и достойно выглядеть на международной философской трибуне все более компенсировалась заклинаниями о полном загнивании и несостоятельности буржуазной философии и об СССР – единственной стране, где имеет место расцвет философской науки. Слабые попытки подготовиться к участию в следующем, IX Всемирном философском конгрессе, который проходил в 1937 г. в Париже, практически ничем не закончились. После этого советские философы не участвовали в международных философских форумах в течение двадцати лет. Каковы же были обстоятельства, связанные с Парижским философским конгрессом?

Парижский конгресс и советские философы

Вновь инициатива о советском участии в Конгрессе исходила от Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), вступившего в контакт с Оргкомитетом Конгресса. Летом 1935 г. заведующий Первым западным отделом ВОКСа С. Похитонов выяснял вопрос о возможном советском участии в Парижском конгрессе у М. Митина. Митин, не желая попасть впросак, попросил чиновника ВОКС не предпринимать пока активных шагов и пообещал взять на себя вопрос о согласовании с соответствующими инстанциями всего порядка участия советских представителей в этом Конгрессе. С. Похитонов написал председателю Оргкомитета Конгресса профессору Сорбонны Э. Брэйе, что позже придет в Оргкомитет список советских философов, которые могут заинтересоваться намеченными для предстоящего Конгресса темами.

Однако никаких реальных действий за этим не последовало. Обеспокоенный Э. Брэе 31 января 1936 г. написал С. Похитонову: «Я был бы очень признателен, если бы Вы в самое ближайшее время прислали мне этот список»¹. Дело в том, что заглавия докладов должны были быть представлены в Оргкомитет до 1 марта 1936 г. Вместе с письмом Э. Брэе выслал Первый циркуляр Оргкомитета, где в общих чертах определялась цель Конгресса и предварительно намечалась его Программа.

14 февраля 1936 г. С. Похитонов запросил разъяснения у М. Митина, обращаясь к нему как к «директору Института»². Он переслал ему копию письма Э. Брэе и Первый циркуляр Оргкомитета. Функционер ВОКСа торопил Митина с принятием решения, ссылаясь на истекающие сроки представления докладов: «Прошу не отказать в любезности своевременно информировать нас как о самом составе советских участников Конгресса, так и о темах их докладов»³. После зондажа у Митина Похитонов 16 февраля 1936 г. отвечал Э. Брэе: «Институт философии в настоящее время рассматривает вопрос о возможном участии советских ученых в работах IX Конгресса. Как только то или иное решение будет принято по этому вопросу мы не преминем известить Вас о нем»⁴.

Тем временем, в Институт философии был прислан Второй циркуляр Оргкомитета. За время, прошедшее с момента выпуска Первого циркуляра, Оргкомитет получил многочисленные отклики из разных стран, сообщения о создании национальных Оргкомитетов по организации участия в Конгрессе, о присоединении национальных философских обществ к Международному комитету философских Конгрессов. Были присланы многочисленные заявки на темы во всех разделах Программы Конгресса, а также просьбы о расширении перечня вопросов для обсуждения. Молчала только Москва.

Второй циркуляр так определял цель предстоящего Конгресса: «Философия рождается из постоянного общения мыслей между людьми и существует благодаря этому общению. Стремясь стать универсальной, она должна испытывать свою универсальность, выставляя себя на обсуждение и критику. Конгресс отвечает потребности, которую не могут удовлетворить традиционные средства общения, прежде всего в условиях усиливающейся специализации в философии. Дифференциация на группы рискует привести к распылению и узости, которые одинаково смертельны для философии»⁵. Между прочим, напоминалось, что I Всемирный философский конгресс также проходил в Париже, в 1900 г., и отмечались заслуги в его организации французского философа Леона Ксавье. В циркуляре отмечалось, что новый Парижский конгресс приурочен к 300-летию «Рассуждения о методе» Рене Декарта, и вновь, как и 300 лет назад, выдвигает проблему единства

метода в условиях растущей дифференциации наук. «Философский конгресс всегда представляет собой некоторую пробу и испытание, — писали организаторы Конгресса, — время от времени он ставит вопрос о том, в какой мере и в чем имеется в данный момент согласие умов»⁶.

Оговаривались организационные условия участия в Конгрессе. Вступительный взнос для действительных членов Конгресса (т.е., докладчиков, заявленных в Программе) составлял 80 франков, для членов-корреспондентов (т.е. тех, кто мог участвовать в свободной дискуссии) — 40 франков. Взносы должны быть уплачены до 10 июня 1937 г. В виде исключения и по согласованию с Оргкомитетом II Международного конгресса эстетики и искусства, сумма взноса его действительных членов, пожелавших принять участие в философском Конгрессе могла составлять 70 франков.

Тексты докладов должны были быть представлены в Оргкомитет не позднее 1 февраля 1937 г. Объем их не должен был превышать 2500 слов, или 8 машинописных страниц.

Вслед за Вторым циркуляром в Москве получили и Третий циркуляр Оргкомитета. В нем сообщалось, что заявлены темы уже 273 докладов; выражалась просьба выслать аннотации докладов в 70—80 слов, составленные автором на его языке, чтоб поместить их пред докладами при их публикации. Главное же — в Третьем циркуляре была помещена Программа Конгресса с указанием секций и тем докладов.

Прошел почти год, прежде чем руководство Института философии вновь решило проявить активность в вопросе участия в Конгрессе. В письме от 25 ноября 1936 г., направленном на имя начальника Первого западного отдела ВОКС Мельникова дирекция Института просила сообщить, в каком состоянии находится подготовка Конгресса, а также выслать через представителя ВОКС в Париже возможность участия в Конгрессе философов из АН СССР⁷. 28 ноября 1936 г. член бюро Правления ВОКС С. Грансберг отвечал Митину, что ВОКС послал запрос своему уполномоченному в Париже, и по получении ответа проинформирует Институт философии⁸.

Больше никаких следов, свидетельствующих о попытках руководства Института философии АН СССР подготовиться к участию в Парижском конгрессе, обнаружить не удалось. Можно утверждать, что и сделанные им шаги были скорее имитацией. Митин не хотел запускать бюрократическую машину, как то было в случае с Пражским конгрессом, чтобы потом ее в последний момент на полном ходу останавливать. Возможно, он действительно консультировался в высших инстанциях и столкнулся с прохладной реакцией на саму идею участия советских философов во

Всемирном конгрессе. Но скорее всего, Митин и другие члены советского философского руководства понимали, что сами будут выглядеть в Париже, мягко говоря, неубедительно, а посылать кого-либо другого они не хотели. Ведь представлять советскую философию могли лишь ее официальные руководители.

Если посмотреть на состав Института философии АН СССР, каким он был в 1936 г., то становится понятным, что перспектив сформировать делегацию у Института не было⁹. Ключевые позиции в Институте занимала группа М.Б. Митина: П.Ф. Юдин, Ф.В. Константинов, М.Д. Каммари, В.Ф. Берестнев, А.В. Щеглов. Не имея качественной философской подготовки и не владея языками, они не могли представлять страну на Парижском конгрессе. Немногим от них отличалась З.Я. Белецкий, А.А. Максимов, В.И. Светлов.

В Институте работали иностранцы, которые, естественно, языками владели и в отношении квалификации превосходили своих коллег: Г.О. Лукач (Венгрия), С. Милашевич (Югославия), Т.Д. Павлов (Болгария). Но они не могли бы поехать из политических соображений, так как, будучи коммунистами, эмигрировали в СССР, скрываясь от преследований полиции своих стран, и жили и работали под псевдонимами: С. Милашевич был М. Миличем, Т.Д. Павлов – П. Досевым.

В Институте философии работали и считанные «недобитые» деборинцы И.К. Луппол и В.Ф. Асмус. Они могли бы блестяще выступить в Париже с глубокими содержательными докладами, причем выступить на каком-либо из официальных языков Конгресса. Но митинцы не могли допустить для них подобного успеха и поставить под угрозу свою монополию в советской философии.

Кроме того, следует учитывать, что весь 1936 год Институт постоянно лихорадило, шли массовые увольнения сотрудников. В мае были уволены Т.Н. Горнштейн, С.Ф. Лившиц, С. Милашевич, В.Н. Ральцевич, Р.С. Силинг, в сентябре Л.О. Пипер, Л.Ф. Спокойный. Все эти люди были вскоре арестованы и репрессированы. В октябре из Института был уволен Л.И. Герман с такой, например, формулировкой: «За отсутствие необходимой для каждого советского научного работника политической бдительности в отношении к злейшим врагам нашей страны и народа»¹⁰. Репрессии сотрудников Института, разумеется, не закончились на 1936 г. и продолжались и дальше. В числе жертв оказались и А.В. Щеглов, и И.К. Луппол. Важно, в любом случае, то, что сформировать в этих условиях какой-либо стабильный состав делегации было заведомо невозможно. Любой заявленный в Париж докладчик мог быть вскоре арестован, объявлен шпионом и расстрелян.

Поэтому руководство Института вновь вышло из положения уже проверенным способом. Как и в случае с Пражским конгрес-

сом 1934 г., в Париж был направлен Б.Э. Быховский, но в качестве корреспондента журнала «Под знаменем марксизма». Интересно, что подлинник составленного им обзора работы Конгресса, опубликованного позже в журнале, в описи архивных документов фонда Института философии АН СССР значится как «Отчет о поездке советской делегации на Международный философский конгресс»¹¹. Б.Э. Быховский действительно был в Париже официальным лицом, но с неофициальным статусом.

На Конгрессе в Париже

IX Всемирный философский конгресс состоялся в Париже с 1 по 6 августа 1937 г. Конгресс был посвящен 300-летию выхода в свет «Рассуждения о методе» Р. Декарта, и потому получил название Декартовского.

Почетным председателем Конгресса был А. Бергсон. Но вследствие болезни он не смог присутствовать лично, и на Конгрессе было оглашено его приветственное письмо. Председателем Оргкомитета Конгресса был Э. Брэйе, секретарем Р. Байэ. В состав Оргкомитета входили видные французские философы: председатель Французского философского общества Л. Брюнsvик, профессор Колледж де Франс Э. Жильсон, директор Института этнологии Э. Леруа, профессор Сорбонны А. Валлон, директор Института истории науки А. Рей, декан факультета гуманитарных наук Университета Гренобля Ж. Шевалье, редактор журнала «Revue de Metaphysique et de Moral» М. Винтер и др.

За месяц до открытия Конгресса были отпечатаны его «Материалы», составленные из присланных докладов по секциям¹². Они составили 12 томов (в общей сложности 2,5 тыс. страниц). «Материалы» были розданы действительным членам Конгресса при его открытии.

Оргкомитет Конгресса сумел обеспечить скидку для участников Конгресса в 60 % на всех французских дорогах при путешествии во Францию и обратно, а также скидку от 40 до 50 % на все поездки по французской территории во время пребывания на Конгрессе. Кроме того, участники были обеспечены помощью дорожного агентства для доставления сведений об устройстве, списком главных парижских отелей с разбивкой на категории и указанием средних цен. Работал комитет по приему членов семей участников Конгресса. Университет Ситэ предоставил по умеренным ценам несколько помещений в распоряжение холостых участников Конгресса.

Официальными языками Конгресса были немецкий, английский, французский и итальянский. В Третьем циркуляре к ним был добавлен испанский. Время, отведенное для докладчиков на пленарных и секционных заседаниях, составляло 15 минут, для выступлений в дискуссии — 5 минут.

Конгресс открылся в зале Сорбонны, где собралось около 800 его участников. В президиуме среди почетных гостей находились президент Франции А. Лебрен и председатель палаты депутатов Э. Эррио. Открыл Конгресс министр народного просвещения Ж. Зей. От Французской академии со словом в честь Декарта выступил П. Валери. В приветственном слове председателя Английского философского общества Г. Семюэля говорилось об актуальности самого духа рационалистической философии Декарта в условиях нарастания волны мистицизма и апеллирования к темным инстинктам. Угроза европейской культуре созрела в самой Европе, заявил Г. Семюэль, имея в виду нацистскую Германию: «Антиинтеллектуализм, отказывающийся от разума, покоящийся на чистой интуиции, устанавливающий недоказанные утверждения и вдохновляемый своего рода мирским мистицизмом... вносит в сферу идей первобытное варварство»¹³. На торжественном открытии Конгресса выступили также профессор Сорбонны Л. Брюневик и председатель Оргкомитета Конгресса Э. Брэйе.

В отличие от Пражского конгресса, в Париже организаторы полностью исключили из Программы обсуждение каких-либо социальных тем, сосредоточившись исключительно на проблемах метафизики, гносеологии и методологии с тем, чтобы избежать каких-либо идейно-политических столкновений.

Каждый день работы Конгресса был посвящен какой-либо из заявленных в Программе тем. Современному читателю, особенно тому, кто сам участвовал в каком-либо из Всемирных философских конгрессов, будет небезынтересно ознакомиться с Программой Парижского конгресса. Мы приведем названия всех тем, секций и подсекций Конгресса.

Тема I. Современное состояние изучения философии Декарта.

Секция 1. История.

Секция 2. Интерпретация доктрины.

Секция 3. Отношение к другим доктринам.

Секция 4. Развитие и влияние картезианства:

а) по странам;

б) по эпохам.

Тема II. Единство науки: метод и методы. История проблемы. Ее современное состояние.

Секция 1. Метод.

Секция 2. Методы.

Секция 3. Разум.

Тема III. Логика и математика.

Секция 1. Логика и логицизм.

Секция 2. Математическая философия.

Тема IV. Причинность и детерминизм в физике и биологии. Вероятностность и статистичность.

Секция 1. Детерминизм и причинность.

Секция 2. Философия и наука.

Секция 3. Причинность:

а) в физике,

б) в биологии,

с) в психологии,

д) в социальных науках.

Тема V. Рефлексивный анализ и трансцендентность.

Секция 1. Рефлексивный анализ.

Секция 2. Трансцендентность.

Секция 3. Идея души.

Секция 4. Душа и тело.

Секция 5. Душа и Бог.

Тема IV. Ценность: нормы и реальность.

Секция 1. Ценности и реальность.

Секция 2. Ценности.

Секция 3. Человеческие ценности вообще.

Секция 4. Нормы:

а) логические,

б) моральные и социальные,

с) юридические и экономические,

д) эстетические.

География докладчиков была достаточно разнообразна. Большинство, конечно, было из Европы, особенно из страны-организатора — Франции и из Чехословакии, которая принимала предыдущий, VIII Конгресс, а также из Италии. Присутствовали и философы Западного полушария, главным образом, из США. Особенно, поэтому, хотелось бы отметить немногих делегатов из Азии. Это Хи Мао из Ханькоу, японский философ, переводчик «Прологоменов» Канта Г. Куваки и выдающийся индийский философ С. Радхакришнан. Среди включенных в Программу участников — четыре женщины.

В Конгрессе участвовали русские философы-эмигранты Н.А. Бердяев, Б.В. Яковенко и др. Доклад Б.В. Яковенко «Рене Декарт и русская философия» был сделан в подсекции «Влияние картезианства по странам». Вернувшись из Парижа в Прагу, Б.В. Яковенко опубликовал в пражском научном журнале обзор итогов работы прошедшего Конгресса¹⁴. Среди других докладчиков можно назвать приехавшего также из Праги Н.О. Лосского, выступившего на тему «Субъективный и объективный разум», и П. Юревича из Риги с докладом «Смысл интуитивного метода».

Всего на пленарных заседаниях и в секциях было заслушано 320 сообщений.

Естественно, интересно знать, какие темы избрали для своих выступлений ведущие философы.

В *теме I* в качестве докладчиков выступили некоторые члены Оргкомитета Конгресса. Доклад Ж. Шевалье назывался «Единство философии Декарта», доклад А. Рея — «От Виета до Декарта». Ж. Маритен выступил с докладом «Дуализм сущности и существования в философии Декарта». А Гелен трактовал декартовское «*Cogito ergo sum*» в свете философской антропологии и экзистенциализма. Наш соотечественник А. Койре говорил на тему «Декарт и Галилей». Вообще в докладах были детально разобраны многие аспекты истории картезианства. Рассматривалось как влияние античной и средневековой философии на Декарта (Карнеад, Платон, Св. Августин как предтеча «*Cogito*», Иоанн Дунс Скот), так и последующее воздействие картезианства на воззрения Гассенди, Лейбница, Вико, Кондильяка, французских материалистов, Кьеркегора, Масарика. Э. Бергман рассказал о картезианстве в Германии, Г. Бонтадини — о новейшей итальянской литературе о Декарте, А.Р. Андерсон — о влиянии Декарта на развитие философии и науки в Англии, Й. Халаши-Надь — в Венгрии, Й. Тирди — в Чехословакии, Г. Куваки — в Японии.

Самой сильной на Конгрессе по докладчикам была *тема II*. Здесь был представлен весь цвет логического позитивизма (новый рационализм, Венский кружок, Львовско-Варшавская школа логики). Достаточно перечислить имена и названия докладов: Г. Башляр — «Психологические трудности прогресса знания», Р. Карнап — «Единство науки», Т. Котарбиньский — «Идея методологии (праксеологии)», М. Шлик — «Отношение философии к науке согласно Венской школе», А. Тарский — «О проблеме единого научного языка». Противостояние в рамках этой тематической секции имело место между интуитивистами (П. Юревич) с одной стороны и представителями Венского кружка с другой, а также между иррационалистическими подходами (Н.О. Лосский) и спиритуалистическими рационалистами (Д. Пароди, выступивший с докладом «Разум и ум: История проблемы»).

К тематике темы II органически примыкали многие доклады из *темы III*. Речь идет, прежде всего, о видных неопозитивистах: К.Г. Гемпле, посвятившем свой доклад вопросам логики, его коллеге П. Оппенгейме, говорившем о проблеме единства науки, и о Ч. Моррисе, выступившем с докладом «Символы и универсалии». В центре дискуссий были вопросы о соотношении логицизма и традиционной формальной логики, логики отношений и субстанциальной логики. Обсуждались антиномии и парадоксы логики и теории множеств, логико-математический анализ проблемы бесконечного (доклады Х. Перельмана, Ж. Трюмера)¹⁵. В секции, посвященной математической философии, выступили крупные математики: Э.В. Бет («Интуитивная очевидность в современной математике») и А.А. Френкель («Прерывное и непрерывное»).

Вполне понятно, что в *теме IV* первостепенное внимание было привлечено к вопросу о том, как новейшие достижения квантовой физики радикально меняют традиционное понимание причинности и детерминизма. При обсуждении вопросов детерминизма и причинности выступили известный французский физик П. Ланжевен с докладом «Детерминизм и статистичность», итальянский философ А. Теста — по проблеме «Причинность и необходимость», Э. Юинг из Кембриджа — на тему «Причина и основания». В докладе Г. Рейхенбаха говорилось о необходимости включения понятия вероятности в современную философию природы. Вопросы детерминизма в конкретных науках обсуждались в докладах одного из лидеров Венского кружка О. Нейрата «Прогнозы и терминология в физике, биологии и социологии», польского философа И. Метальмана «Детерминизм и понятие внезапного возникновения в биологии» и др. На подсекции по философским вопросам биологии развернулась дискуссия по поводу выдвинутого Л. Берталанфи «органицистского подхода» к биологическим закономерностям¹⁶.

Важнейшим событием стал доклад Л. де Бройля «Несколько аспектов индетерминизма в квантовой физике». Сам Л. де Бройль в работе Конгресса не участвовал, и доклад был оглашен его братом М. де Бройлем. Последний представил участникам Конгресса также и свой доклад на тему «Роль и значение теории и опыта в прогрессе современной физики». В зачитанном докладе Л. де Бройля говорилось, что принцип неопределенности Гейзенберга хотя и подорвал возможности предвидения, однако не привел физику к индетерминистским выводам. Понимание детерминизма Л. де Бройлем включало, таким образом, и вероятность, статистическую закономерность. Л. де Бройль со всей определенностью говорил о каузальном характере вероятности, о том, что в свете новейших достижений физике следует не отказываться от детерминизма, а дать его более глубокую интерпретацию. Доклад вызвал оживленное обсуждение, в ходе которого выводы Л. де Бройля получили признание философов. Г. Семюэль иронизировал по поводу индетерминизма, называя его софизмом статистика. У.П. Монтегю отметил неразрывную связь понятий причинности и субстанции. Бельгийский философ М. Барзен четко поставил вопрос о том, что статическая причинность ничуть не менее закономерна, чем динамическая.

В первой секции *темы V* доклад одного из идеологов неореализма У.П. Монтегю был посвящен проблеме субстанции. Блистала докладчиками вторая секция этой темы. Основоположник католического экзистенциализма Г. Марсель представил доклад «Трансцендентное как метапроблематическое». Другой видный идеолог католического модернизма и ученик Бергсона М. Блон-

дель выступил с докладом «Современный аспект философской проблемы трансцендентности». Доклад представителя критического рационализма Л. Брюнсвика был посвящен теме «Трансцендентность и имманентность». Интуитивистскому порыву Блонделя к трансцендентному Брюнsvик противопоставил интеллектуализм и рационализм. Польский феноменолог Р. Ингарден посвятил доклад теме «Человек и время». Видный французский неогегельянец Ж. Валь говорил «об идее трансцендентности». Следует отметить также доклад Л. Леви-Брюля «Мистический опыт у первобытных народов».

В теме VI с докладом «Объективность ценности» выступал американский неореалист С. Александер. Итальянский марксист А. Банфи сделал доклад на тему «Понятие философии культуры, ее метод и проблемы». Доклад Л. Мизеса был посвящен теме «Логический характер науки о человеческом поведении».

Отдельно нужно сказать о том, что на Конгрессе активно проявила себя делегация нацистской Германии во главе с Г. Гейзе. В докладе «Идея и существование» Гейзе «теоретически» обосновывал кровавую практику тоталитарного государства по подавлению личности во имя государственного «целого», ссылаясь при этом на «Государство» Платона. На таком фоне «звездой» выглядел другой член этой делегации — А. Боймлер, обосновывавший нацизм с помощью философии жизни. Характерно поэтому, что эмигрировавшие из нацистской Германии неокантианец А. Либерт и видный специалист по философии естествознания Г. Рейхенбах выступали на Конгрессе не как германские делегаты.

Участникам Конгресса была предложена богатая культурная программа. По соглашению Оргкомитета Конгресса с Генеральным комиссариатом Парижской Всемирной выставки 1937 г. члены Конгресса получили право бесплатного входа на территорию Выставки во все время ее работы и 50% скидки на билеты для членов семей.

Было составлено расписание экскурсий по местам, связанным с именем Декарта. В число экскурсий для членов Конгресса входило посещение Лаэ, где Декарт провел свои первые годы, причем во время поездки ее участники посетили замки Луары и Турени. Были организованы банкеты в Пуату, в Шательро. В один из вечеров члены Конгресса собрались в знаменитом аббатстве Пор-Рояль в долине Шеврез, где А. Арно и П. Николь создали логическое учение, развивающее методологические принципы Декарта. Для участников этой экскурсии был организован обед в Версале. Во время Конгресса члены семей его участников могли посетить новые залы Лувра и совершить прогулку по старому Парижу. После Конгресса состоялась прогулка в многоместном пассажирском автомобиле в Шантильи, Шаали и Эрменонвиль — в места, где жил Руссо.

Зарубежная и советская печать о Конгрессе

Декартовский Конгресс живо освещался в прессе. Отклики на Конгресс отражали идеологическую ситуацию в странах Европы. Еще до начала Конгресса французский журнал «Nouvelles littéraires» среди популярных писателей об их отношении к Декарту, и опубликовал результаты в номере от 24 июля 1937 г. Оказалось, что ведущие писатели Франции весьма прохладно относятся к крупнейшему национальному философу и считают его труды чем-то антикварным. Вместе с тем, официально Франция чествовала юбилей Декарта очень широко, что дало основание «Frankfurter Zeitung» в номере от 22 августа 1937 г. заключить, что французы использовали юбилей Декарта для повышения международного престижа своей страны. Инвектива нацистской газеты легко объяснима отчуждением, которое пришлось испытать на Конгрессе германской делегации, составленная в основном из пропагандистов нацистского «учения». Газета жалела посланцев «Третьего рейха» за то, что им приходилось на Конгрессе приспосабливаться к демократическим правилам ведения дискуссии. Нацистских проповедников иррационализма, однако, порадовало, что в докладах участников Конгресса практически не чувствовалось духа декартовского рационализма, как писала об этом «Berliner Tageblatt» в номере от 8 августа 1937 г. Демократическая европейская пресса, напротив, осудила вызывающее поведение германских делегатов. А. Штерн в номере базельской «National Zeitung» от 11 августа 1937 г. писал по поводу речи главы германской делегации Г. Гейзе, что она не что иное, как демагогическая игра в столь же пустые, сколь и напыщенные метафоры.

Что касается советской печати, то по возвращении из Парижа Б.Э. Быховский поместил обзор дискуссий на Конгрессе в журнале «Под знаменем марксизма»¹⁷. В статье Б.Э. Быховский, как всегда, показал себя талантливым публицистом, и ее можно было бы назвать яркой и занимательной, если бы текст автора не портила изначальная установка всячески выискивать недостатки в работе «буржуазного» Конгресса. Кое-где претензии советского философа имели основание, но подчас они оказывались верхом лицемерия.

В самом зачине статьи факты уже были передернуты. Б.Э. Быховский пишет: «Состоявшийся в начале августа в Париже философский Конгресс, в сущности, не был международным. Этим именем нельзя назвать Конгресс, на котором не были представлены народы Советского Союза, на котором отсутствовала делегация единственной в мире страны, где философская культура получила широкое массовое распространение»¹⁸. Как будто эту делегацию в Париж не пускали организаторы Конгресса! А ведь написана эта фраза с намеренной двусмысленностью, чтобы неискрушенный чи-

татель понял дело именно так. Б.Э. Быховский прекрасно знал, кто в действительности помешал поездке советской делегации. Но он выполнял социальный заказ, и не было ничего легче, как переложить ответственность на происки «буржуазных» философов.

Однако Б.Э. Быховский был не рядовым пропагандистом, а мастером философского пера. Поэтому аргументы в запоздалом «размахивании кулаками» он подбирал со знанием дела. «Устроители Конгресса не преминули вспомнить о том, что “Метафизические размышления” Декарта были посвящены докторам Сорбонны, в залах которой проходил Конгресс, но они умолчали о том, что доктора Сорбонны не приняли этого посвящения и не дали своей визы на трактат Декарта»¹⁹. Действительно, подзаголовок, с которым вышло в 1641 г. первое издание «Размышлений о первой философии» Декарта, посвященное «членам славнейшего теологического факультета в Париже», гласил: «С привилегией и одобрением докторов». Но, как отмечает В.В. Соколов, «последняя фраза выражает скорее пожелание Декарта, чем реальность, поскольку “одобрения докторов” Сорбонны и даже янсенистов, в сущности, не было»²⁰. Возмущение Б.Э. Быховского вызвало и присутствие на Конгрессе Ж. Маритена, назвавшего в своей книге «Антимодерн» Р. Декарта «национальным позором Франции», а в своем докладе критиковавшего декартовское учение о бытии и сущности с позиций томистского реализма понятий. «Слушатели вполне могли мысленно перенестись во времена Декарта и чувствовать себя как на церковном соборе, где иезуиты осуждали картезианскую ересь», — с иронией писал Б.Э. Быховский²¹.

Гневными словами Б.Э. Быховский заклеил нацистских «штурмовиков от философии из ведомства Геббельса». О докладе «начальника нацистского отряда» Г. Гейзе он сказал, что «доброе русское слово “существование” ничего не говорит о том полном мракобесии содержания, которое вкладывают в понятие “Existenz” штурмовики от философии». В составе германской делегации были и известные философы — Н. Гартман, неогегельянец Г. Глокнер. Однако главой делегации поставили Г. Гейзе. «Не удивляйтесь читатель, что вы ничего не знаете о Гейзе и о его “заслугах” перед философской мыслью, — писал Б.Э. Быховский, — это ни в какой мере не умаляет вашей философской эрудиции: его никто не знает; “заслуги” г-на Гейзе относятся, очевидно, к совершенно иной области»²². Про А. Боймлера Б.Э. Быховский заметил, что тот был дан немецким философам в качестве конвоира: присматривать за их поведением и речами.

Положительно Б.Э. Быховский оценил выводы Л. де Бройля, хотя и пожурил его «с позиций диалектического материализма» за то, что он «объективную категорию закономерности отождествляет с понятием предвидения». С интересом Б.Э. Быховский

отозвался о сообщении профессора из Лозанны А. Реймона, в котором декартовское понятие интуиции, в частности «*cogito*», было рассмотрено, исходя из установки, что всякая интуиция не первична и не непосредственна, а покоится на предшествующей работе мысли.

Однако, подводя итог статье, Б.Э. Быховский, естественно, делал вывод, что «Парижский конгресс был демонстрацией идейного бесплодия, творческого оскудения буржуазной философской мысли»²³. Иного вывода он сделать и не мог: таково было задание, выполнять которое он ездил в Париж.

В дальнейшем, однако, даже такие поездки советских философов на Всемирные философские конгрессы стали невозможны. X (Амстердам, 1948 г.) и XI (Брюссель, 1953 г.) Всемирные философские конгрессы прошли вообще без советских философов, оставшихся за «железным занавесом».

Как проходила работа этих конгрессов — читайте в последующих номерах нашего журнала.

Примечания:

¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

² М.Б. Митин хотя и был фактически директором Института философии, формально состоял заместителем директора.

³ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 15 — 15-об.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ Там же. Л. 19.

⁸ Там же. Л. 20.

⁹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 8.

¹⁰ Там же. Л. 105.

¹¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 45.

¹² Travaux du IX congrès international de philosophie. Congrès Descartes. — P., 1937.

¹³ Цит. по: Под знаменем марксизма. 1937. № 9. — С. 173.

¹⁴ Der IX Internationale Kongress für Philosophie in Paris // Ruch filosoficky. 1939. № 1. — Str. 99 — 102.

¹⁵ См.: *Старостин Б.А.* Философские конгрессы международные // Большая советская энциклопедия. Т. 27. — М., 1977. — С. 421.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ См.: *Быховский Б.Э.* IX Международный философский конгресс // Под знаменем марксизма. 1937. № 9. — С. 172 — 179.

¹⁸ Там же. — С. 172.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Соколов В.В.* Примечания // *Декарт Р.* Соч. Т. 2. — М., 1994. — С. 590.

²¹ *Быховский Б.Э.* IX Международный философский конгресс // Под знаменем марксизма. 1937. № 9. — С. 172.

²² Там же. — С. 178.

²³ Там же. — С. 179.